

ИСТОРИЯ HISTORY

DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-3-8-16

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 008(091)

Дата поступления: 21.06.2021
рецензирования: 24.07.2021
принятия: 26.08.2021

Образ русского крестьянства в произведениях А. Платонова периода Великой Отечественной войны

И.Е. Кознова

Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: i.koznova@mail.ru. Researcher ID (Web of Science): V-1815-2018.

Scopus ID: 6505610823. Scopus ID: 57204937207. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

Аннотация: Художественная литература, воплощающая многообразную культурно-историческую память общества, предлагает собственные ответы на вопросы о влиянии войны на человека и о ее отдаленных гуманитарных последствиях. В произведениях военной поры А. Платонов представил широкую панораму образов сражающегося народа, среди которых центральное место занимает образ крестьянства. Показано действие памяти как ведущего концепта художественного творчества писателя. Выявлены особенности восприятия рядовыми солдатами войны, жизни и смерти, добра и зла. Акцентируя внимание на крестьянских корнях сражающегося народа, писатель предупреждал об опасности забвения этого, что весьма значимо для культурной памяти современного российского общества. Постоянный интерес Платонова к мемориальным аспектам культуры реализован им в военных произведениях во многом с точки зрения картины мира русских крестьян. Деревня и ее жители, вера и семья, земля, хлеб, труд – символы Родины у Платонова, воплощение исторической преемственности. Именно эти стороны отразились впоследствии в народных воспоминаниях о войне, в крестьянском восприятии войны как «жертвенного героизма».

Ключевые слова: культура; память; художественная литература; А. Платонов; Великая Отечественная война; крестьянство.

Цитирование. Кознова И.Е. Образ русского крестьянства в произведениях А. Платонова периода Великой Отечественной войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 8–16. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-8-16>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кознова И.Е., 2021

Ирина Евгеньевна Кознова – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры, Институт философии РАН, 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.06.2021

Revised: 24.07.2021

Accepted: 26.08.2021

Image of Russian peasantry in A. Platonov's stories and plays during the Great Patriotic War

I.E. Koznova

Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russian Federation

E-mail: i.koznova@mail.ru. Researcher ID (Web of Science): V-1815-2018.

Scopus ID: 6505610823. Scopus ID: 57204937207. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

Abstract: Fiction embodies the diverse cultural and historical memory of society and offers its own answers about the impact of war on a person, the long-term humanitarian consequences of the war. In his military stories and plays A. Platonov presented a wide panorama of images of the fighting people, among which the image of peasantry occupies a central place. Memory is considered as the leading concept of the writer's creativity. Features of perception of war, life and death, good and evil by ordinary soldiers are revealed. A. Platonov's military stories are very significant for the cultural memory of Russian society. Focusing on the peasant roots of the fighting people, the writer warned of the danger of forgetting this. Platonov's constant interest in the memorial aspects of culture is realized in his military prose largely from the point of view of the world picture of Russian peasants. Village and its inhabitants, faith and family, land, bread,

labor-symbols of the Motherland in Platonov, the embodiment of historical continuity. These aspects were reflected later in popular memories of the war, in the peasant perception of the war as «sacrificial heroism».

Key words: culture; memory; fiction; A. Platonov; Great Patriotic War; peasantry.

Citation. Koznova I.E. Image of Russian peasantry in A. Platonov's stories and plays during the Great Patriotic War. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 8–16. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-8-16>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Koznova I.E., 2021

Irina E. Koznova – Doctor of Historical Sciences, associate professor, leading scientist of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, building 1, 12, Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation.

Конец крестьянства недопустим – это источник человечества и человечности.

А. Платонов. Из Записных книжек

Введение

Художественная литература является специфическим носителем культурной памяти общества, соединяя в себе прошлое, настоящее и будущее, чувство истории и творческое предвидение [Переходцева 2012, Султанов 2017, Lachmann]. Философствующая литература, или «художественная философия», наряду с научным представляет собой органичное начало философии истории, наполняя ее глубинным смыслом, переживанием общественного бытия [Никольский 2018]. Если вести речь о художественном воплощении войн, то, помещая в фокус своего интереса человеческие судьбы в экстремальных ситуациях, литература тем самым занимает важнейшую нишу в культурной истории военного. Оказавшись «внутри войны» в качестве военного корреспондента, Андрей Платонов со всей страстностью своего таланта выразил героико-трагический опыт Великой Отечественной. С момента, когда с конца 1980-х гг. творчество писателя во всей его полноте стало доступно широкой публике, ведется глубокая исследовательская и архивная работа, позволяющая вернуть читателю произведения Платонова в их изначальном, свободном от цензуры и официального редактирования виде, продолжается изучение особенностей художественного стиля и антропологии писателя, ключевых концептов и мотивов его творчества. Объемно и всесторонне в публикациях последних лет представлен мир военной прозы и драматургии писателя, рассмотренный в контексте всего его творчества. Исследователи пересматривают сложившиеся в советское время трактовки его произведений, выявляют несоответствие с официальными взглядами на войну платоновской позиции, позволившей писателю создать независимое от публицистических схем и пропагандистских установок видение «человека сражающегося», его поведения, мыслей и чувств, комплекса нравственных проблем. Военные рассказы А. Платонова рассматриваются как восстановление национальной и исторической памяти, отечественного культурного наследия, что находит воплощение в присущем им христианском коде,

мотивах «вечной памяти» и «взыскания погибших» [Алейников 2015; Варламов 2011; Корниенко 1999; Кретинин 2000; Спиридонова 2014]. В военных произведениях писателя в полной мере выразилась мнемоническая функция литературы, конкретизирующая сформулированные в мемориальных исследованиях ключевые вопросы: «Кто помнит? О ком/чем следует помнить? Чего нельзя забыть? Что следует помнить? Как следует помнить?» [Ассман 2019; Winter 2017]. Будучи отнесенными к числу ключевых концептов в платоновском творчестве, память и забвение в многообразии их механизмов и проявлений акцентируют внимание на субъектно-личностном аспекте мнемонического [Баршт 2008; Кознова 2020; Кознова 2016].

Исследователи подчеркивают особое внимание писателя к теме «народ на войне», отмечая, что в его военных произведениях представлены два главных национальных типа героя в пограничной ситуации войны: пахаря и воина. При этом внимание исследователей-филологов фокусируется прежде всего на реализации в платоновских произведениях периода войны мифологического знакового комплекса, а собственно крестьянское обозначено в самых общих чертах [Кретинин 2000; Пономарева 2003; Семенова 2000]. Между тем, разворачивая тему народного в аспекте крестьянского, А. Платонов показал многообразие современных ему воплощений и преломлений исторического и культурного, представив панораму деревенского мира и его обитателей. Задачей настоящей статьи является анализ платоновского образа тех, кто вынес на своих плечах основную тяжесть войны, – русских крестьян.

Основная часть

Сражающаяся Россия у Платонова – это прежде всего люди: бойцы, жители прифронтовой полосы и тыла. В грандиозную битву вовлечено и пространство, и оно в платоновских произведениях большей частью сельское. Деревни, деревеньки, деревушки, за которые ведутся тяжелейшие бои, освобожденные от врага и возрождающиеся к жизни, главным образом московские, орловские и смоленские – самая срединная Россия, а также далекие тыловые – полноправные персонажи платоновских военных рассказов. Они расположены среди равнины или на возвышенности, на доброй земле, среди ржи, суходольных и поемных лугов

с их ароматным травостоем. Они обычно небезмянны, имеют ласкающие ухо названия, иногда чудные, немного смешные – Бельдяшки, Далекые Нивы, Замошье и пр. Большинство их спустя два-три десятилетия после войны попали в число «неперспективных», сселенных, заброшенных.

В «Записных книжках» А. Платонова имеется карандашный рисунок, в центре которого изображена православная церковь с колокольней, вокруг нее контурно намечено среднерусское сельское пространство с надписями-пояснениями: «небо», «облака», «леса растут могучие», «здесь растет разнотравье», «а здесь мать живет в избе» [Платонов 2000, с. 276]. Этот вполне привычный сельский пейзаж, представлявшийся писателю идеальным, оказывается в эпицентре военных действий.

Деревенское пространство, и прежде всего земля, являющееся для самих крестьян и писателя первой ценностью, предстает воплощением силы сражающегося народа, которая «рождается в деревенской материнской земле, и войско народа питается от земли, распаханной руками крестьян, согретой солнцем и орошенной дождем» («Крестьянин Ягафар»).

Родная земля у Платонова – живая, как и вся природа. Когда, как в «Рассказе о мертвом старике», жители деревни Отцовы Отвершки уходят от наступающих немцев, земля немеет. Единственный оставшийся дедушка Тишка – крестьянин, хранитель памяти однодеревенцев всех поколений – нынешних и давно обретших свое место на погосте. Тишка ведет с ними незримый диалог. Именно в этом смысл крестьянской жизни: «... в скупой и верной любви жизнь людей навек и неразлучно срослась здесь с хлебом, с землей и с добром, нажитым в постоянном труде». Под стать Тишке – старая крестьянка Марфа Фирсовна из пьесы «Без вести пропавший, или Избушка возле фронта», заявляющая угрожающим ей немцам: «Я никуда не пойду. Тут моя изба, тут мой двор, там земля наша лежит. Я на этой земле родилась, хлеб из нее добывала, хлебом тем сына вскормила, тут моя сила легла».

Родные земля, деревни, избы и письма близких, материнские сердца – все эти реальные и символические обереги, как, например, и лист с «божьего» дерева малой родины, поддерживают бойцов на фронте. В боях солдаты буквально вживаются в землю для защиты; в земляной окопной работе (а Платонов описывал войну как труднейшую работу) «отходили за ней душой».

Хотя от взгляда Платонова не ускользнули страхи и тоска солдат-крестьян, присущее им видение войны как стихийного бедствия, он сосредоточил внимание на жизненной энергии бойцов. Оказываясь в новой для себя обстановке, «обучаясь новой жизни возле своей гибели», когда традиционная формула крестьянской жизни «пот и кровь» только внешне трансформируется («лица бойцов в бою покрыты кровью и потом, крики от ярости»), боец стремится «освоиться с местом, породниться

с ним», точно желая «заручиться сочувствием всех окружающих предметов». Описывая тяжелейшие бои, Платонов упоминает, как даже во время атаки солдаты, в большинстве своем деревенские родом, замечают привычное: и ржаные поля, и луга, приметы погоды и т. д. Характерно, что все отмеченное, включая храмы, сохранилось в воспоминаниях фронтовиков [Кознова 2016, с. 403–406]. Вместе с тем образ несжатого ржаного поля – один из самых ярких в платоновских произведениях военной поры, одновременно трагичный, вызывающий горечь потерь и обнадеживающий, укрывающий, спасающий.

В изображении Платонова война приобретает метафорический облик большого поля (места сражения Добра и Зла), на котором земледелец-ратник ведет свою «пахоту» вопреки «пахоте войны». «Жатва» войны включает в свой круг людей, тяжело раненное тело земли («нелюдимые», «пустые, истоптанные до последней былинки» железом и солдатским сапогом поля), обглоданные «до костей» крестьянские дворы с сожженными избами и истребленной живностью. Но уверенные, что земля немертвая, бойцы дают обет вернуться и вспахать ее. В том и заключалась истина: «Земле не пропадать, а народу не помирать». Рефреном платоновской военной прозы служит утверждение «все враги остались вековать в здешней сельской земле».

Символику земли в военной прозе Платонова дополняет символика хлеба и зерна, в которых, говоря словами деда Тишки из «Рассказа о мертвом старике», – «добро», «дело святое», «сердце наше», «вся сила». «Богатырская мощь» бойцов идет от простой крестьянской пищи, особенно необходимой им в рукопашной схватке с врагом (кстати, нередкой в рассказах 1941–1942 гг.). Показательны, например, «говорящие» имена и фамилии платоновских фронтовиков Ивана Толочно или Ивана Силина [Merridale 2005; Merridale 2000]. Вопрос сытости бойцов актуальный на фронте; а их, в свою очередь, волнует, сыты ли и обуты дети в тылу, помнят ли об отцах – так пища обычная в сознании бойца объединяется с пищей духовной: память, любовь питают и фронт, и тыл.

Тема семьи, родного дома, очага – одна из сквозных в военных произведениях А. Платонова, а ее деревенско-крестьянское воплощение приобретает свои характерные черты. Именно в них проявляется отмечаемая исследователями уникальность художественного голоса писателя в изображении трагического героизма – свободного героизма, противостоящего вынужденному, компенсирующему [Никольский 2020], основанному на жизненных образцах семейной и братской фронтовой сердечности [Holt 2013].

Изба – важнейший элемент платоновской художественной философии, фигурирующий в его рассказах и пьесах военной поры. В рассказе «Никодим Максимов» А. Платонов дает описание русской избы – «обыкновенного» жилища,

в котором «рождались, проводили детство и проживали жизнь в старину почти все русские крестьяне». Именно в нее тянулись красноармейцы, хотя на постое стоял всего лишь один боец, главный герой: «Видимо, тут им было хорошо, в них оживало здесь тихое чувство своего оставленного дома, отца и матери, всего прошлого. Эта изба, *пропахшая хлебом и семейством* [курсив наш. – И. К.], воскрешала в них ощущение родного жилища, и они внимательно разглядывали старика, может быть, угадывая в нем схожесть с отцом, и тем утешали себя». Чуткий к использованию упоминаний о запахах, которые представлялись Платонову важнейшим чувственным проявлением памяти, писатель отмечает, таким образом, два наиболее значимых для выражения константы «народа» в ипостаси «крестьянского» и «русского». Запах служит важным признаком отличия немцев от русских: «От немца... пахло... дезинфекцией и какой-то чистой, но неживой химией; шинель же русского солдата пахла обычно хлебом и обжитой овчиной» [курсив наш. – И. К.]. Когда отец маленького мальчика Никиты возвращается домой с фронта и берет на руки сына, которого несколько лет не видел, от солдата пахнет «теплом, чем-то добрым и смиренным, хлебом и землей», то есть не войной, а миром («Никита»). По крайней мере, так воспринимает отца сын, жизнь которого изначально пропитана этими исконными мирными запахами.

В рассказе «Никодим Максимов» есть сцена отдыха красноармейцев, когда те читают или перечитывают письма из дома. Как подчеркивает Платонов, «читали, чтобы лучше понять...». Но что могло быть в них? Судя по письмам в Красную армию периода советско-финской войны, отстоящей всего лишь на три-четыре года от событий рассказа, значительная часть которых исходила из деревни, они были полны поклонов от всех родственников и соседей, пожеланий здоровья, надежд на спасение Всевышним. Письма от матерей перекликались с молитвами, некоторые напоминали причеты и плачи [Зензинов 1945].

Исследователи обращают внимание на существенные цензурные изъятия и редакторские правки в рассказе. В частности, в рукописи был вымаран фрагмент, описывающий момент моления перед иконами старика – хозяина избы. Между ним и Максимовым происходит диалог. Боец замечает старику: «Что ты надеешься на Бога». Но в ремарке писателя вся суть: «сказал ему не в упрек, а в правду» [Сабиров 2000, с. 719–722]. Заметим, что в переводе с древнегреческого Никодим означает «Побеждающий народ» (данное имя носят персонажи нескольких платоновских рассказов), а отчество солдата – Харитонович («Благословенный»). Старик Иван Ефимович (и Ефим тоже переводится как «Благословенный») возражает: «Бог нынче тоже, небось, солдат». Сами же фронтовики у Платонова с полным правом говорят о себе: «Мы не крестьяне, мы – бойцы,

но мы и то и другое». У Платонова присяга названа «молитвой за родину» («Верное сердце»).

В рассказе «Старый Никодим» звучит заявление «я же человек ветхий, мне уж пора ко двору – в землю», вполне в духе крестьянского природного мировосприятия. Однако в платоновской «Записной книжке» 1942 г. выражение «ко двору» трактуется иначе: «Крестьянин едет “ко двору” – окзалось, на тот свет, домой. Жизнь действительную, на земле, он считал постоянным неустроенным двором» [Платонов 2000, с. 225]. В целом и то и другое выражает содержание народного православия.

Если вернуться к рассказу «Никодим Максимов», то из описания избы цензорами были исключены «убого», «привычно сердцу и ненадоедливо, как хлеб». Неоднократно упоминаемая в военных рассказах «убогость» оставляет щемящее чувство горечи, но также и надежду на возрождение. Безусловно, родственная понятиям бедности и нищеты убогость бросалась в глаза в разоренных немцами селениях. Но и довоенная деревня в Центральной России была отнюдь не богатой. Но «убогость» может трактоваться как «простота», стремление довольствоваться малым.

В рассказе «Домашний очаг» после отхода немцев «убогий крестьянский двор» сохранил свой печной очаг – основание и корень сельского дома, тот символический и материальный центр, вокруг которого «снова должно собраться хозяйство и утвердиться гнездо человека». В освобожденных деревнях бойцы, сами крестьяне, помогают восстанавливать жилище, а по сути – образ жизни. Заняться привычным плотницким делом для возведения избы, а не окопа – значит, отдохнуть от войны, ведь от кроткого звука топора становится покойно на душе.

Красноармеец из рассказа «Счастливый корнеплод» отстаивает честь родного пепелища и всей милой его сердцу округи перед зарвавшимся младшим лейтенантом Харчеватых, меццианином от войны. Рассказ воплощает «спор Правды и Кривды» – памяти и забвения. Вдохновленный мыслью забыть не только горечь войны, но и любое свидетельство не затронутой урбанизацией деревенской «убогости» и организовать на погорельщине иную, не столько праздничную, сколько праздную жизнь, нацеленную не на работу ума, а на его развлечение, Харчеватых рушит печной очаг с остатками строения и изрекает «истину»: «... ну был дом с отцом, и нету его, – эка штука – дом с отцом! – другой со временем организуешь, без отца проживешь!» И именно молодой рядовой боец оказывается мудрее пожилого интенданта, исповедуя наставление повитухи из «Чевенгура» «не быть непочетником», помнить мать, родителей. Вопреки убежденности интенданта о якобы навеки забытой здешней местности, боец утверждает противоположное: «А я не забыл и забыть никогда не могу...» Более того, для него помнить – обязанность сына и гражданина отстоять не только порушенный врагом семейный очаг, но и местный лес, хотя и

обгоревший от битвы, но постепенно оживающий: «У нас на летучих песках леса посадили, и пески угомонились. А теперь опять растопчут танцами пески, и они полетят на хлебные поля... Лес этот живой, в нем новая поросль пошла...» Памятливость красноармейца вызывает насмешку, злость и зависть интенданта. И хотя, как вообще крестьяне, предки красноармейца руководствовались понятием пользы, «красота» и «польза», которую исповедует Харчеватых (возможно, бывший крестьянин), совершенно другого свойства, она предполагает убрать прочь «всю эту природу» да и сам «дух места», искушая красноармейца рассказом о будущих удовольствиях. Дело, разумеется, не просто в благом намерении интенданта превратить погорелое место «в парк культуры, гимнастики и отдыха». Это будущее превращается не просто в праздник изобилия, но в разгул чревоугодия и потребительства. Не случайно для тыловики с его «говорящей» фамилией понятие хорошей жизни сводится к «легкой, чистой работе»: «Туда-сюда, и день прошел, и не утомился, и деньги заработал, и сыт по горло: везде же знакомство... Так и жизнь доживешь – незаметно, а приятно, в полный аппетит, культурно, с удовольствием, чувствительно и неутомимо вперед!..» Потребительство («пустодушие»), присутствие, по А. Платонову, также и нацистам, в понимании писателя, служит прямым путем к беспамятству и забвению.

Крестьянин-фронтвик описывается Платоновым не только как «богатырь», которому под силу одолеть врага, но и как рачительный хозяин. В крестьянах заложено понимание исправной жизни, которое распространяется и на войну. Снаряжение и оружие должно быть исправно, как и сами люди, ведь только «исправный, здоровый боец способен действовать на войне» – исполнять свой долг защитника Родины исправно. У крестьянина на войне «простая» и ясная цель: истребить врага и прогнать его с родной земли, а самому остаться живым и невредимым. Характерны два утверждения красноармейца из пьесы «Без вести пропавший...». О друге: «Парень он добрый, крестьянский, боец исправный». О послевоенном будущем (по сути, вневременном, «вечном»): «Отвоюемся, тогда все по родным дворам разойдемся – кто к матери, кто к жене с ребятишками, а кто один был – тот семейство себе заведет. Тогда тихо будет, и мы опять землю будем пахать, скотину выкормим, новые избы поставим. Мы тогда отдышимся и опять жить будем исправно...»

Яркой иллюстрацией сублимации на войне хозяйственных устремлений крестьянского двора служит образ старшины Сычева («Оборона Семидворья»). Старшина «смотрел на войну как на хозяйство, аккуратно считая и записывая труд своей роты по накоплению павшего врага»; «улыбался самодовольно, будто за малые деньги построил скотный двор или за полцены купил нужную вещь в свое семейство». А один из героев рассказа «Три солдата» Прохоров назван даже скупым: «Он мог,

склонившись на дороге, поднять комок земли и кинуть его на поле, – чтоб и этот комок тоже мог рожать зерно, а не растаптываться без пользы в прах ногами. Поверх головок своих сапог он обувал лапти, чтобы сапоги не снашивались».

Трудовая крестьянская память движет старослужащим красноармейцем Кузьмой из рассказа «На доброй земле». Для него на первом месте – его подворье (хотя в действительности зависимое от членства в колхозе): «Мне во весь добрый свет теперь ворота открыты, а мне и калитки хватит в колхозе на своем дворе! [курсив наш. – И. К.]. Когда Кузьма (в мирной жизни – орловский крестьянин) слышит в закутке избы, где бойцы на постое, вздохи коровы, они волнуют его больше всего. Поэтому среди ночи он вслед за хозяйкой идет проведать корову (корова впоследствии отелилась «исправно»), а позже признается себе, что, уйди он отсюда, «скучать буду по этой корове», хотя хозяйка-вдова ему-вдовцу приглянулась тоже. Воспринимает же он женщину вкупе с ее детьми и непременно с хозяйством, впрочем, как и она, согласная после войны «на жительство и на хозяйство», подтверждая крестьянскую установку на семейную жизнь как хозяйствование. «Для государства тот хорошо работает, у кого есть и свое – дом и хозяйство», – отмечает Платонов в одной из записных книжек периода войны [Платонов 2000, с. 274]. В другой он подчеркивает связь семьи и собственности, полагая последнюю «очагом» [Платонов 2000, с. 244–245]. Писатель с большой симпатией описывает, как красноармейцы в перерывах между боями хозяйничают в своих вещевых мешках, которые выступают аналогом крестьянского дома и двора.

Хотя Платонов в произведениях военной поры ведет речь о коллективизированной деревне, собственно колхозное является фоном повествования. Колхозы упоминаются писателем, и многие бойцы представлены колхозниками. Но Платонов больше выделяет советское, нежели колхозное. С новой системой организации производства на селе связывает себя юное поколение. Внучка из пьесы «Волшебное существо» хранит в подполье бабкиной избы книги из библиотеки и ведомость имущества МТС. Крестьянское и колхозное у Платонова если и не антиподы, то разные полюса единого, как, например, в рассказе «Крестьянин Ягафар». Если обычно враг аттестуется как «глухарь», то здесь подобная характеристика относится к старику-колхознику Ягафару, спокойно сносящему бесхозяйственность и воровство в коллективном хозяйстве. Ягафару-колхознику противопоставлен Ягафар-крестьянин, переживший чувство стыда, готовый, опершись на свою трудовую память, восстановить порядок в колхозе (в колхозе что-то да сохраняется в исправности). Любящая и знающая лучше всех Ягафара его старая жена убеждена, что жизненная сила человека – в равнодушном сердце и что сила рождается в деревне.

Сельский тыл у Платонова держится прежде всего на плечах крестьянок – матерей и жен, ожидающих сыновей и мужей с фронта, а чаще – вдов. С раннего утра до поздней ночи работающих в колхозе, заменяющих мужчин на тракторах, оставляющих малолетних детей на попечение стариков, старших детей, а то и без присмотра. Женщины разных возрастов описаны писателем мудрыми, гораздо точнее мужчин воспринимающими правду жизни, тоньше различающими добро и зло. Любовь для героинь, как для старой крестьянки и ее мужа из рассказа «Среди народа», представляет собой «тихий покой всего сердца вблизи другого сердца», «общую жизненную участь». Такой показана награжденная медалью за доблестный труд вдова-трактористка Евдокия Захарова – с характером и жизненными принципами («Житейское дело»).

Особая тема для А. Платонова – война и дети/подростки. Притом что взрослые герои его военных рассказов исповедуют представление «народ детей бережет», на войне происходит их раннее взросление: в освобожденных деревнях на их лицах печаль («Домашний очаг»), они выглядят изможденными, выполняют непосильную для их возраста работу («Ветер-хлебопашец»). Но они вызывают доброе, хотя и щемящее чувство у автора. А вот Петрушка из смоленской деревни, на вид десяти лет, аккуратный, вполне «исправный мужик», однако поучающий всех в избе, даже огонь в печи, исповедующий «голый» практицизм и злой душой, вызывает страх повествователя («Страх солдата»).

И все же в тыловых деревнях крестьянские дети привычно продолжают познавать мир, хотя и с поправкой на военное время. Для пятилетнего Никиты из одноименного рассказа двор и его постройки представляют большой интерес. Но он также в курсе колхозных дел и знает, что на трудодни дают пшено. Афоня из рассказа «Цветок на земле» остается дома с 87-летним дедом Титом, от стариковской груди которого пахнет теплой землей. Внук хочет узнать у деда «про все». Читателю показана привычная коммуникативная форма передачи памяти. Но она уязвима, прерываясь со смертью носителя, и внук со слов матери знает, что старику «недолго осталось». Дед с внуком отправляются «белый свет пытаться». И, хотя, видимо, дед уже давно не ходил в луга, он, влекомый памятью своего трудового крестьянского тела, сразу останавливается у голубого цветка и трогает его. Именно этот «жалконький» с виду цветок и служит деду-пахарю олицетворением «самого главного» на свете – «самый святой труженик, он из смерти, из мертвого праха работает жизнь». Внук принимает священное знание, воплощая платоновскую концепцию мнемонической вечности [Баршт 2008]: «Теперь я сам знаю про все! Иди спи, дедушка, а когда умрешь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха».

Старые крестьяне предстают у Платонова нередко тщедушными, но «хитроумными тружениками» (старик из д. М. Верея в рассказе «Среди народа»), к суждениям которых прислушиваются и старшие офицеры. Не зная страха, они сражаются с врагом или косят застоявшуюся рожь, даже если впереди ожидает смерть.

В рассказе «Дед-солдат» тот, обходя окрестности с внуком, девятилетним сиротой Алешей, вводит его в мир истории – локальной, национальной, всемирной. Плотины на реке, сложенная полвека назад крестьянской артелью, в которой работали еще отец деда и он сам, символизирует прочность и основательность крестьянского трудового начала («Да ведь народ ее строил и мы с отцом – никто другой: оттого и прочно. Народ, он всегда норочит навек все сделать и смерть обчитать, – так у него и выходит»). Воспоминания деда о прежних войнах, в которых ему довелось участвовать, несут убежденность, что враг победим. Но при этом знания внука об окружающем мире не ограничены рассказами деда, а почерпнуты из книг, которые читают вслух в колхозной избе-читальне. И хотя данное платоновское произведение – рассказ, рассчитанный на красноармейцев-крестьян определенной доли «сказочности» в ней присутствует. Чужой солдат «дурной и неученый», «грязен и слабосилен на вид», озабочен поиском пропитания для себя и членов экипажа своего танка. А деду присуща немалая доля бравады. Хорошо вооруженный враг тем не менее оказывается побежденным стариком в рукопашной схватке, его сухой костяной крестьянской рукой, и та же дедова рука протягивает уже плененному им немцу деревянную ложку и котелок с кулешом, наставляя внука, что пленного бить нельзя. Второй танкист гибнет от меткого выстрела деда, взявшего себе револьвер плененного, а саму машину с остальными танкистами затягивает речным илом после того, как внук, измучившись, все-таки долбит бороду в плотине и спускает воду. Метафора воды, смывающей всю нечисть с лица русской земли (в восприятии деда «фашист Ай-Гитлер» даже не неприятель, а всего лишь «гадюка»), символизирует в рассказе и крестьян-народ («Наш народ уже в который раз смерть обсчитывает и еще не раз ее обсчитает»), и связь поколений, принятие младшими наследия предков, а в итоге – победу традиционной, земледельческой цивилизации над современной, техногенной.

Та же идея выражена в пьесе «Без вести пропавший...», когда старая крестьянка Марфа Фирсовна находит управу на врага, решительно поднимает свою «дубину народной войны» в виде топора. И, даже связанная немцами, продолжает борьбу, убежденная в том, что «у них-то железо, да машины, да всякие ехидные средства. А у нас что же! У нас разум да сердце есть!». И в гротескном рассказе «Старый Никодим» старик, руководствуясь соображением «вы нас бомбили, а я вас разумею», устраивает «потемкинский» аэродром и

дурит немцев, передвигая фанерные аэропланы по лесу с места на место с помощью коровы по кличке Боевая Подруга.

Кстати, коровы – полноправные персонажи платоновской военной прозы. Вместе с лошадьми они представляют ближайший круг крестьянской хозяйственной жизни, одну из ее основ: «Для немцев корова – колбаса и закуска, а мы от нее детей растим и питаем, из ее вымени наш народ хлеб себе сдабривает» («На доброй земле»). Как и людей, скотину, предназначенную для обычной трудовой жизни, война касается своей жестокой меткой. Часто упоминает Платонов и воробьев, которым «без мужика жить невозможно». Пожалуй, для Платонова мужики и воробьи – своего рода «близнецы-братья»: неугомонные, стойкие, выносливые, творящие силу жизни. Иначе как можно противостоять злу войны?

Заключение

Историческим судьбам русского народа отведено центральное место в художественном мире А. Платонова. На разных этапах своего творческого пути писатель по-разному оценивал их перспективы в контексте революционных преобразований в стране. Свои размышления на этот счет писатель продолжил в годы Великой Отечественной войны.

Акцентируя внимание на крестьянских корнях воющего народа, Платонов создал собственную, не лишённую определенной идеализации, мифологию героического, «замешанную» на крестьянских «дрожжах», воплощение всеобъемлющей культурной памяти. Бойцы у Платонова сражаются с тем же крестьянским усердием, с каким они выполняют хозяйственную работу на своем дворе. Возможно, писатель был единственным, кто описал крестьянство в то сталинское время подобным образом, кто своим голосом творил оду труженику земли. А. Платонов показал соотношение архетипического и исторического в их взаимосвязи с советским. Слова «крестьянин» и «крестьянский» занимали ведущее положение в художественном лексиконе писателя, в то время как «колхозник» и «колхозный» – подчиненное. Реализуя идею «вечной памяти» в своих военных произведениях, писатель определил их жанр как реквием. Если же брать срез рассказов, воплощавший крестьянское начало, то это скорее оратория, латинскому корню которого созвучно старославянское слово «оратай» (пахарь), все это вместе отсылает к общим индоевропейским истокам. «Хор» – это все персонажи-крестьяне, «солисты» – отдельные герои рассказов, «оркестр» – весь природный мир, а все в целом – Россия.

Библиографический список

- Holt 2013 – *Holt K.* Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // *Russian Literature*. 2013. Vol. 73. P. 57–84. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.ruslit.2013.01.005>.
- Lachmann – *Lachmann R.* Cultural Memory and the Role of Literature URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory_Lachmann.html (дата обращения: 14.05.2021).
- Merridale 2000 – *Merridale C.* Night of Stone: Death and Memory in Modern Russia. London: Granta Books, 2000. 506 p.
- Merridale 2005 – *Merridale Catherine.* Ivan's War. The Red Army 1939–1945. London: Faber and Faber, 2005. 396 p. URL: <https://www.rulit.me/books/ivan-039-s-war-inside-the-red-army-1939-1945-read-326269-1.html>.
- Winter 2017 – *Winter J.* War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 234 p.
- Алейников 2015 – *Алейников О.Ю.* Прошлое и будущее русского народа в рассказах А. Платонова о Великой Отечественной войне // *Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика*. 2015. № 3. С. 54–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proshloe-i-buduschee-russkogo-naroda-v-rasskazah-a-platonova-o-velikoy-otechestvennoy-voynе>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24307528>.
- Ассман 2019 – *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 268 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=659921&p=1>.
- Баршт 2008 – *Баршт К.А.* Мнемоническая вечность Андрея Платонова // *Вопросы философии*. 2008. № 1. С. 90–108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10246137>.
- Варламов 2011 – *Варламов А.Н.* Андрей Платонов. Москва: Молодая гвардия, 2011. 546 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=158936&p=1>.
- Зензинов 1945 – *Зензинов В.М.* Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию 1939–1940 г. Нью-Йорк: [б. и.], 1945. 587 с. URL: https://vk.com/wall-119738045_19392.
- Кознова 2016 – *Кознова И.Е.* Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. Москва: Политическая энциклопедия, 2016. 464 с. URL: <http://test8.dlibrary.org/ru/nodes/103>.
- Кознова 2020 – *Кознова И.Е.* «Сражающаяся Мнемозина»: тема памяти в военной прозе Андрея Платонова // *Ярославский педагогический вестник*. 2020. № 5. С. 208–216. DOI: <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-208-216>.
- Корниенко 1999 – *Корниенко Н.В.* «Добрые люди» в рассказах А. Платонова конца 30-х – 40-х годов. Предварительные текстологические заметки // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 1999. № 3 (15). С. 24–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16389018>.

Крети́нин 2000 – *Крети́нин А.А.* Мифологический знаковый комплекс в военных рассказах Андрея Платонова // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Кн. 2. Санкт-Петербург, 2000. С. 41–57. URL: https://imwerden.de/pdf/tvorchestvo_platonova_2_2000_text.pdf.

Нико́льский 2018 – *Нико́льский С.А.* Российская философия истории и литература // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 116–127. DOI: <http://doi.org/10.31857/S004287440001154-4>.

Нико́льский 2020 – *Нико́льский С.А.* Крестьянин на войне в философской прозе Андрея Платонова и Виктора Астафьева // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 163–168. DOI: <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-4-115-163-168>.

Переходцева 2012 – *Переходцева О.В.* Концепции памяти в современном западном литературоведении // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 157–164. URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2012/perekhodtseva.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17662277>.

Платоно́в 2000 – *Платоно́в А.* Записные книжки. Материалы к биографии. Публ. М.А. Платоновой. Составление, подготовка текста, предисловие и примечания Н.В. Корниенко. Москва: Наследие, 2000. 424 с. URL: <http://www.library.fa.ru/files/platonov.pdf>.

Пономарева 2003 – *Пономарева С.* Образ русской земли в военных рассказах Платонова // Страна философов. Вып. 5. Москва, 2003. С. 395–404.

Сабиров 2000 – *Сабиров В.* Рассказ «Никодим Максимов» (К истории текста) // Страна философов. Вып. 4. Москва, 2000. С. 719–722.

Семенова 2000 – *Семенова С.* Русский человек в пограничной ситуации. Военные рассказы Андрея Платонова // Страна философов. Вып. 4. Москва, 2000. С. 138–152. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30532870&pf=1>.

Спиридонова 2014 – *Спиридонова И.А.* Под небесами родины. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 145 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23761994>.

Султанов 2017 – *Султанов К.К.* «Человек вспоминающий» в литературе: историческая память как регулятив национальной идентичности // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. Москва, 2017. С. 49–95. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/95439273>.

References

Holt 2013 – *Holt Katharine* (2013) Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism. *Russian Literature*, vol. 73, pp. 57–84. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.ruslit.2013.01.005>.

Lachmann – *Lachmann R.* Cultural Memory and the Role of Literature. Available at: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory_Lachmann.html (accessed 14.05.2021).

Merridale 2000 – *Merridale C.* (2000) *Night of Stone: Death and Memory in Modern Russia*. London: Granta Books, 506 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=655220&p=1>.

Merridale 2005 – *Merridale Catherine* (2005) *Ivan's War. The Red Army 1939–1945*. London: Faber and Faber, 396 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/ivan-039-s-war-inside-the-red-army-1939-1945-read-326269-1.html>.

Winter 2017 – *Winter J.* (2017) *War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press, 234 p.

Alenikov 2015 – *Alenikov O.U.* (2015) The past and the future of the Russian people in A. Platonov's stories about the Great Patriotic War. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2015, no. 3, pp. 54–61. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/proshloe-i-budushee-russkogo-naroda-v-rasskazah-a-platonova-o-velikoy-otechestvennoy-voynе>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24307528>. (In Russ.)

Assman 2019 – *Assman A.* (2019) Oblivion of history – obsession with history. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 268 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=659921&p=1>. (In Russ.)

Barsht 2008 – *Barsht K.A.* (2008) Mnemonic eternity of Andrei Platonov. *Voprosy Filosofii*, no. 1, pp. 90–108. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10246137>. (In Russ.)

Varlamov 2011 – *Varlamov A.N.* (2011) *Andrey Platonov*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2011, 546 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=158936&p=1>. (In Russ.)

Zenzinov 1945 – *Zenzinov V.M.* (1945) *Meeting with Russia. How they live in the Soviet Union. Letters to the Red Army 1939–1940*. New York: [b.i.], 587 p. Available at: https://vk.com/wall-119738045_19392. (In Russ.)

Koznova 2016 – *Koznova I.E.* (2016) The Stalinist era in the memory of Russian peasantry. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 464 p. Available at: <http://test8.dlibrary.org/ru/nodes/103>. (In Russ.)

Koznova 2020 – *Koznova I.E.* (2020) «The combating Mnemosyne»: the theme of memory in Andrey Platonov's military prose. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 5 (116), pp. 208–216. DOI: <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-208-216>. (In Russ.)

Kornienko 1999 – *Kornienko N.V.* (1999) «Kindly souls» in A. Platonov's short stories of the late 1930s–40s: preliminary notes of the textual logic. *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 3 (15), pp. 24–37. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16389018>. (In Russ.)

- Kretinin 2000 – *Kretinin A.A.* (2000) Mythological sign complex in the military stories of Andrey Platonov. In: *Creativity of Andrey Platonov. Research and materials. Book 2.* Saint Petersburg, pp. 41–57. Available at: https://imwerden.de/pdf/tvorchestvo_platonova_2_2000_text.pdf. (In Russ.)
- Nickolsky 2018 – *Nickolsky S.A.* (2018) Russian Philosophy of History and Literature. *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 116–127. DOI: <http://doi.org/10.31857/S004287440001154-4>. (In Russ.)
- Nickolsky 2020 – *Nikolsky S.A.* (2020) The peasant at war in the philosophical prose of Andrey Platonov and Viktor Astafiev. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 4 (115), pp. 163–168. DOI: <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-4-115-163-168>. (In Russ.)
- Perekhodtseva 2012 – *Perekhodtseva O.V.* (2012) Concepts of memory in contemporary literary studies. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, no. 1 (17), pp. 157–164. Available at: <http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2012/perekhodtseva.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17662277>. (In Russ.)
- Platonov 2000 – *Platonov A.* (2000) Notebooks. Materials for the biography. Published by M.A. Platonova. Drafting, preparation of the text, preface and notes by Kornilenko N.V. Moscow: Nasledie, 424 p. Available at: <http://www.library.fa.ru/files/platonov.pdf>. (In Russ.)
- Ponomareva 2003 – *Ponomareva S.* (2003) The image of the Russian land in Platonov's war stories. In: *The country of philosophers. Issue 5.* Moscow, pp. 395–404. (In Russ.)
- Sabirov 2000 – *Sabirov V.* (2000) Story «Nikodim Maximov» (On the history of the text). In: *The country of philosophers. Issue 4.* Moscow, pp. 719–722. (In Russ.)
- Semenova 2000 – *Semenova S.* (2000) Russian people in a borderline situation. War stories by Andrey Platonov. In: *The country of philosophers. Issue 4.* Moscow, pp. 138–152. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30532870&pf=1>. (In Russ.)
- Spiridonova 2014 – *Spiridonova I.A.* (2014) Under the skies of the motherland. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2014, 145 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23761994>. (In Russ.)
- Sultanov 2017 – *Sultanov K.K.* (2017) «The man remembering» in literature: historical memory as a regulator of national identity. In: *Event in history, memory and narratives of identity.* Moscow, pp. 49–95. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/95439273>. (In Russ.)